

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 168–202.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 168–202.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-168-202

ГЕРОЙ ВРЕМЕНИ: «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» В ЗЕРКАЛЕ ГИДРОНИМИКИ

Михаил Павлович Одесский
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru

Давид Маркович Фельдман
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ранее не рассматривавшихся ассоциативных связей с различными вариантами осмысления термина «русская интеллигенция» в досоветскую и советскую эпохи. Источниковая база — труды историков литературы, художественные произведения, мемуары, эпистолярный жанр.

Ключевые слова: Белинский, Боборыкин, Герцен, Гончаров, Добролюбов, Достоевский, Лермонтов, Лотман, Писарев, Пушкин, Овсянко-Куликовский, Сигал, Сталин, Страхов, Тургенев, Чернышевский, Шпет, публицистика

Ссылка для цитирования: Одесский М. П., Фельдман Д. М. Герой времени: «История русской интеллигенции» в зеркале гидронимии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 168–202.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-168-202.

Literature. Philosophy. Religion

HERO OF TIME:
“THE HISTORY OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA”
IN THE MIRROR OF HYDRONYMICS

Mikhail P. Odesskiy

The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, modessky@mail.ru

David M. Feldman

The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of previously not considered associative links with various variants of understanding the term “Russian intelligentsia” in the pre-Soviet and Soviet eras. Source base works of literary historians, works of fiction, memoirs, epistolary.

Keywords: Belinsky, Boborykin, Herzen, Goncharov, Dobrolyubov, Dostoevsky, Lermontov, Lotman, Pisarev, Pushkin, Ovsyaniko-Kulikovsky, Sigal, Stalin, Strakhov, Turgenev, Chernyshevsky, Shpet, journalism

For citation: Odesskiy, M. P., Feldman, D. M. (2023) “Hero of Time: ‘The History of the Russian Intelligentsia’ in the Mirror of Hydronymics”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 168–202. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-168-202.

Инерция осмысления

Заранее оговорим: в нашу задачу не входит продолжение вялотекущей полемики о понятии «русская интеллигенция». Мы рассматриваем, во-первых, соотношенный с ним механизм литературной типизации. Во-вторых, систему ассоциативных связей, оказавшихся вне сферы внимания полемизировавших.

Как известно, смыслопорождающий механизм литературной типизации сформировался к началу 1840-х годов, и современниками его конструкция считывалась без каких-либо пояснений. Шестьдесят пять лет спустя она трансформировалась, но действовала своего рода инерция восприятия. Характерный пример — монография Д. Н. Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции. Итоги русской литературы XIX века» (1906).

Отметим специфику построения некогда популярной книги. Материал систематизирован в первую очередь хронологически, основные главы — о героях хрестоматийно известных тогда художественных произведений А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и т. п.

Такой принцип оговорен. Согласно Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, его книга — «ряд этюдов по психологии русской интеллигенции XIX века, преимущественно по данным художественной литературы. На первый план выдвигаются тут так называемые “общественно-психологические” типы, каковы Чацкий, Онегин, Печорин, Рудин...»¹.

Общая характеристика объекта исследования дана в предисловии. Автор постулировал: «В культурных странах, давно уже участвующих в развитии мирового прогресса, *интеллигенция*, то есть *образованная и мыслящая часть общества, созидаящая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности*, представляет собою, если можно так выразиться, величину бесспорную, ясно определившуюся, сознающую свое назначение, свое призвание».

В России, согласно Овсяннико-Куликовскому, другая ситуация. Она — «как в странах отсталых и запоздалых. Здесь интеллигенция является чем-то новым

¹ Далее цит. по [Овсяннико-Куликовский, 1906].

и необычным, величиною не “бесспорною”, не определившеюся: она созидается и стремится к самоопределению...».

Ставя цель поэтапного исследования «“общественно-психологических” типов» именно в художественной литературе, автор монографии следовал примеру авторитетных критиков. Правда, использовал их методологию применительно к своей концепции — так называемой психологической школы литературоведения. Например, в 1844 году В. Г. Белинский, рассуждая о правдивом изображении отечественной действительности, начинал отсчет с комедии «Горе от ума» и романа «Евгений Онегин»².

Имелось в виду новое литературное направление. Согласно Белинскому, грибоедовская пьеса и пушкинский роман «положили собою основание последующей литературе, были школою, из которой вышли и Лермонтов, и Гоголь».

Белинский развивал тему, обозначенную им еще в 1840 году, когда вышло первое книжное издание лермонтовского романа. Доказывал, что Печорин — «Онегин нашего времени, *герой нашего времени*. Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою»³.

Разумеется, были возможны литературные аналогии. К примеру, Н. М. Карамзин и «Рыцарь нашего времени», А. де Мюссе и «Исповедь сына века».

Но Белинский акцентировал внимание читателей на, так сказать, гидронимической переключке фамилий — Онегин и Печорин. В том же ряду Ленский, хоть он и не соотнесен с буквально вычеканенной лермонтовской формулой — «герой нашего времени».

Специфику переключки анализировал Ю. М. Лотман. По его словам, именование дворянского рода могло быть производным от гидронима, если речь шла о водоеме, целиком расположенном на территории имения, а это не относилось к Онеге и Лене. Потому для пушкинских современников Онегин и Ленский — фамилии заведомо вымышленные, лишь «условно русские» (см. [Лотман, 1983, с. 114–115]).

Не так важно в данном случае, у кого Пушкин заимствовал их. Главное, что Белинский рассуждал о «типе», каковым стал Онегин, а позже — Печорин.

Однако в статье 1844 года Белинский утверждал, что и Печорин уже не современен. Вот и лермонтовская книга — «роман времени, от которого мы уже далеки».

Речь шла о «типах», соотнесенных с литературным направлением, сформировавшемся в 1840-х годах. Позже его именовали русским реализмом. Объем и

² Далее цит. по [Белинский, 1844].

³ Далее цит. по [Белинский, 1840].

содержание понятия трансформировались, но в ряде случаев мнения исследователей совпали (ср. [Введение ... , 2020]).

Исследователями признано, во-первых, что теоретические сочинения писателей не содержат адекватное самописание русского реализма. Тут неприменим опыт изучения деклараций классицистов, сентименталистов, романтиков или модернистских фраппирующих манифестов. Основной материал — работы критиков: 1840-е годы знаменуются ростом их мировоззренческой роли, что совпало с наступлением «журнального века».

Во-вторых, признано, что для теории русского реализма, основоположником которой стал Белинский, базовым понятием был «образ» или «тип», он же «характер». Так и формировалась традиция — на терминологическом уровне.

Кстати, тогда же в российский обиход входит сам термин «реализм». Он, согласно мнению ряда исследователей, впервые использован П. В. Анненковым — в статье «Заметки о русской литературе прошлого года» (1849)⁴.

Речь шла о сформировавшемся к 1848 году направлении. Анненков утверждал: «Появление *реализма* в нашей литературе произвело сильное недоумение, которое уже пора объяснить».

Курсив привлекал внимание читателей к термину «реализм», а совокупность художественных произведений, им охватываемых, была, согласно Анненкову, известна, так что требовалось лишь уточняющее истолкование. В дальнейшем критики и предлагали интерпретации установок, соотносимых с «реалистической литературой».

Бесспорна связь этих установок с немецкой философией. Однако следует учитывать и сказанное Г. Г. Шпетом о специфике философских суждений основоположника традиции [Шпет, 2009, с. 177].

Согласно Шпету, из немецкой философии Белинский заимствовал лишь то, что применимо к задачам не собственно философским, а социальным, которые он ставил и решал посредством литературной критики. Вот почему вольно интерпретировал заимствованное.

Последователи Белинского тоже обсуждали только персонажей — на уровне социальной детерминированности. Можно сказать, трансплантировали их в реальность, игнорируя художественную систему или, по выражению того времени, архитектонику.

Исключения были редки. К примеру, ни на кого не похожий А. А. Григорьев. Но и он не формулировал как программный лозунг задачу изучения пресловутой архитектоники.

---

⁴ Далее цит. по [Анненков, 1849].

Потому особенно важна статья Анненкова. Он, позиционируя себя как последователя Белинского, определил специфику типизации: «Кому могло прийти в голову, что литературная деятельность наша изберет преимущественно два типа для своих представлений и, довольная находкой, выкинет за черту весь остальной мир».

Указанные «два типа» — «герой нашего времени» и «маленький человек». По Анненкову, типизация необходима, ограничение же неуместно.

Споры о «типах» продолжались десятилетиями. Наиболее интересны в данном аспекте три примера.

Так, анализируя роман «Обломов», опубликованный в 1859 году, Н. А. Добролюбов рассматривал заглавного героя именно в качестве «типа». Соответственно, озаглавил статью: «Что такое обломовщина?» [Н-бов, 1859].

Добролюбов, как известно, сопоставлял Обломова с героями Пушкина, Лермонтова, Герцена, Тургенева. В итоге объявил символом крепостничества.

Вскоре статью о том же романе опубликовал А. В. Дружинин. От него читатели могли бы ждать полемики с леворадикальным интерпретатором «Обломова» [Ред(актор), 1859].

Но сам подход Добролюбова к анализу романа — персонажи в ущерб архитектонике — не вызвал протеста у Дружинина. Он лишь вывод оспорил, доказывая, что Обломова надлежит считать не символом крепостничества, а «типом» европейского чудака, весьма обаятельного, но темпу современной жизни не соответствующего.

Двадцать лет спустя о романе «Обломов» рассуждал сам автор. Подведением итогов была статья «Лучше поздно, чем никогда» (1879)⁵.

Подход к анализу не изменился. Так, постулировалось: «Художник мыслит образами», — сказал Белинский, — и мы видим это на каждом шагу, во всех даровитых романистах».

Дежурным стал термин, обозначающий типизацию. По словам Гончарова, он, характеризуя Обломова, «инстинктивно чувствовал, что в эту фигуру вбираются мало-помалу элементарные свойства русского человека — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образ был верен характеру».

Критики, согласно Гончарову, не сумели верно оценить роман. Тенденциозность мешала. Меж тем «образ поглощает в себе значение, идею; картина говорит за себя, и художник часто сам увидит смысл — с помощью тонкого критического истолкователя, какими, например, были Белинский и Добролюбов».

⁵ Далее цит. по [Гончаров, 1879].

Закономерно, что самыми авторитетными критиками признаны Белинский и Добролюбов. Политические разногласия с ними были Гончарову не так важны, как общность теоретического инструментария.

Разве что Д. И. Писарев не был назван в числе авторитетных критиков. Но и это закономерно: его откровенный антиэстетизм шокировал многих.

Итак, теория «русского реализма», формировавшаяся критиками, была ими редуцирована к совокупности «образов», то есть «типов» или «характеров». Преимущественно — героев времени, на чем и акцентировал внимание читателей Овсянико-Куликовский.

Случайности и закономерности

Хронологически систематизируя главы о героях времени, Овсянико-Куликовский учитывал также изменения политического контекста. Современникам пояснения не требовались.

Чацкий, согласно Овсянико-Куликовскому, относится к «типам» конкретного периода александровского царствования. Хронологические рамки — «от 1812 до половины 20-х годов».

Онегин как младший современник Чацкого относится к поколению, взрослевшему уже в послевоенную пору. Но и он из «людей двадцатых годов».

Речь шла о периоде, который предшествовал николаевскому царствованию. Ну а Печорин — из «поколения 30-х годов».

Упоминания о перекличке фамилий Онегин, Ленский и Печорин стали общим местом в литературоведении. При этом с гидронимикой не соотносится грибоедовская пьеса, от которой Белинский вел отсчет при характеристике нового литературного направления.

Сама фамилия Чацкий признана «говорящей», но ее происхождение стало предметом споров, не завершенных и ныне. При соотнесении же с гидронимами в пушкинском романе можно обнаружить некую общность: Чацкая протока соединяет реки Обь и Томь, причем обе — северные, как Лена и Онега.

Нельзя сказать определенно, подразумевал ли Грибоедов гидроним в качестве основы для фамилии героя и ориентировался ли Пушкин на такой пример. Зато бесспорно, что Лермонтов использовал пушкинский образец. Но Печориным гидронимический ряд не завершился.

Так, в 1845–1846 годах печатался роман «Кто виноват?». Большинство фамилий там заведомо вымышленные, но примечательна та, что Герцен дал главному герою. Как «тип» русского интеллигента Овсянико-Куликовский характеризовал дворянина Бельтова, ну а Большой Бельт и Малый Бельт — проливы Балтийского моря.

Допустимо, что и это лишь совпадение. Если нет, словообразовательная модель, использованная Герценом для фамилии героя, сходна с лермонтовской.

В 1847 году опубликован роман «Обыкновенная история», и два его главных героя, потомственные дворяне — Адуевы. При этом есть река Адуй, а вот дворянской фамилии, придуманной романистом, нет в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского [Лобанов-Ростовский, 1895].

Повесть «Рудин» опубликована в 1856 году, позже ей дано иное жанровое определение — «роман». Фамилии заглавного героя, потомственного дворянина, тоже нет в «Русской родословной книге», зато есть река Руда.

Можно и это признать совпадением. Только и оно — не последнее.

Заглавного героя романа «Обломов» автор позиционировал как представителя старинного дворянского рода. Но такой фамилии опять нет в «Русской родословной книге», зато есть река Обломна.

В 1859 году опубликован тургеневский роман «Дворянское гнездо», и главный герой, потомственный дворянин, помещен Овсяннико-Куликовским в галерею представителей «русской интеллигенции». Но фамилия Лаврецкий — польская и не исконно дворянская. Тут вновь уместна гидронимическая ассоциация: река Лавра.

Да, неизвестно, видел ли Герцен до 1845 года Большой Бельт и Малый Бельт, нет сведений о путешествии Тургенева по Руде и Лавре, аналогично — о пребывании Гончарова у берегов Адуя и Обломны. Так ведь и Пушкин в Сибирь не ездил. Зато все они, давая фамилии героям, не могли не учитывать реакцию по-дворянски обидчивых современников, отыскивавших в художественных произведениях намеки на «лица».

Бельтов, Рудин и Лаврецкий, согласно Овсяннико-Куликовскому, относятся к одному поколению. Это «люди сороковых годов».

Положение Обломова в этой классификации более сложное. Он, в отличие от Рудина и Лаврецкого, «человек не 40-х, а 50-х годов».

Но, судя по роману, Обломов умер на исходе 1840-х годов и повествование не завершается смертью заглавного героя. Овсяннико-Куликовский ориентировался на дату публикации.

Похоже, Овсяннико-Куликовского увлекла идея систематизации по десятилетиям. Ее логика подсказывала, что за «людьми сороковых годов», бездеятельными или своего дела не нашедшими, должно прийти новое поколение, соотносимое с началом эпохи реформ.

Согласно Овсяннико-Куликовскому, черты эпохи отразил впервые опубликованный в 1862 году роман «Отцы и дети». Ее символом стал Базаров — «как отрицатель и как общественно-психологический тип».

Эта фамилия не позиционировалась в качестве аристократической, ведь лишь отец Базарова выслужил чин, дающий право на дворянство. Но связь с гидронимом есть: река Базар, например.

Другой представитель нового поколения, Кирсанов-младший — из старинного рода, а в «Русской родословной книге» такой фамилии нет. Она распространенная, среди ее носителей были и дворяне, но отнюдь не родовитые. Гидронимические ассоциации предсказуемы: река Кирса.

Пусть все это опять совпадения. Однако случайности в силу их частотности похожи на проявления закономерности.

Кстати, дворянку Одинцову полюбил Базаров, а одним на Русском Севере называют большой обломок скального берега реки, лежащий в ее русле. Для судоходства — опасность.

Примечательны и карикатурные двойники Базарова. У Ситникова, купеческого сына, фамилия типичная для его сословия, что нельзя сказать о дворянке и помещице Кукшиной. Зато есть тут связь с гидронимом: река Кукша.

Овсяннико-Куликовский не рассматривал карикатуры на Базарова. Но вне рассмотрения оказались и базаровские младшие современники-единомышленники, то есть герои опубликованного в 1863 году романа Н. Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях».

Такое решение Овсяннико-Куликовский обосновал. По его словам, книга Чернышевского — «публицистический трактат, изложенный в беллетристической форме. Действующие лица романа — не типы, не характеры, они поэтому и не подлежат психологическому анализу».

Обоснована и правомерность упоминаний о знаменитой книге. По словам Овсяннико-Куликовского, она лишь постольку интересна, поскольку отразила «черты идеологии и умонастроений 60-х годов».

При этом отношение к Чернышевскому — почтительное. Он, Белинский и Добролюбов, согласно Овсяннико-Куликовскому, «праведники, творившие мораль, донныне нас животворящую».

Вне рассмотрения оказалась и литературная полемика о «новых людях». Например, популярный роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», опубликованный в 1868 году. Среди героев есть и базаровские единомышленники, и карикатурно изображенный «человек сороковых годов», аристократ Домбрович.

Как известно, Боборыкин — из старинной дворянской семьи. Поэтому фамилии героев-дворян выбирал с осторожностью: рода Домбровичей нет среди русских аристократических. Допустимо, что автор взял за основу польскую

фамилию Домбровский, образованную от слова *dąbrowa*, то есть дубрава. Но уместна и ассоциация с гидронимом — река Домбра.

Вне «Истории русской интеллигенции» оказался роман «Преступление и наказание», опубликованный в 1866 году. Применительно к нашей теме интересна своего рода игра Достоевского с фамилиями.

Так, сословная принадлежность студента-юриста Раскольников не определена, и считается, что его фамилия обозначает специфику характера. Но есть и гидронимическая ассоциация — река Раскол.

Единственный друг Раскольникова сам характеризует себя. Указывает, что он — сын дворянина, студент, и не Разумихин, как его называют приятели, а Вразумихин.

Автохарактеристика лишь дополняла сказанное ранее повествователем. Но раз уж друга Раскольникова называют Разумихиным, уместна гидронимическая ассоциация: река Разумная.

Примечательна и фамилия раскольниковского недруга, чиновника Лужина. Она тоже провоцирует гидронимические ассоциации: река Лужа.

Эти совпадения тоже можно признать случайными, да мы и не утверждаем, что налицо строгая закономерность. Скорее тенденция, проявляющаяся более или менее регулярно до 1870-х годов.

Рубежным, согласно Овсяннико-Куликовскому, стал опубликованный в 1890 году боборыкинский роман «На ущербе». Среди героев — «типы» интеллигентов эпохи Александра III.

Боборыкин в этом романе обошелся без игры с фамилиями. Как устаревшая норма поведения воспринималась на исходе 1880-х годов дворянская — гипертрофированная — обидчивость.

Галерея «лишних»

Вернемся к предложенной Овсяннико-Куликовским последовательности героев времени. Она провоцировала споры о понятии «русская интеллигенция».

Споры Овсяннико-Куликовский игнорировал. По его словам, «в странах отсталых и запоздалых интеллигенция то и дело прерывает свою работу недоуменными вопросами вроде: “что же такое интеллигенция и в чем смысл ее существования?”, “кто виноват”, что она не находит своего настоящего дела?, “что делать?”...»

Ироническое отношение к полемике тут несущественно. Главное, что галерея представителей «русской интеллигенции» начинается с Чацкого, который позиционирован как «типичный образ мыслящего и передового человека того времени».

Пусть так — в аспекте психики. Но дворянин Чацкий, послужив недолго в полку, отверг службу и военную, и статскую, а это не вполне типичный случай для периода «от 1812 до половины 20-х годов».

Далее — Онегин. Вот и он, «как Чацкий, прежде всего представитель образованного общества 20-х годов, именно той его части, в которой по преимуществу сосредоточивалось брожение и движение умов в ту эпоху».

Но Онегин вовсе не служил. Для его эпохи и социальной страты это нетипичный случай, что Овсяннико-Куликовский не мог не знать.

Он и выбрал другой критерий. В случаях Чацкого и Онегина типично критическое отношение к службе, единственно возможному тогда пути социальной реализации потомственного дворянина.

Согласно пьесе, Чацкий не обсуждает, чем он занят. Одну из догадок предложил Григорьев, чья статья опубликована в 1862 году⁶.

Это, можно сказать, панегирик Чацкому. Он, по Григорьеву, «до сих пор единственное героическое лицо нашей литературы».

Далее обозначены причины, обусловившие такую характеристику. Григорьев настаивал: «Чацкий прежде всего — честная и деятельная натура, притом еще натура борца, то есть натура в высшей степени страстная».

Из контекста явствовало, с чем была возможна борьба. Жертвы ее, согласно Григорьеву, адресаты пушкинского стихотворения, оказавшиеся в сибирских рудниках — «мрачных пропастях земли».

Уже допустимыми стали позитивные оценки тех, кого ранее официально именовали государственными преступниками. Но фамилии осужденных, помилованных новым императором, упоминать еще не полагалось, и Григорьев именовал декабристов «падшими борцами».

Далее следовало хронологическое уточнение. Чацкий, «кроме общего своего героического значения, имеет еще значение историческое. Он — порождение первой четверти русского XIX столетия...».

Григорьев использовал лишь намеки, в герценовской традиции обозначая связь подвига воинского с гражданским. Соответственно, Чацкий — «товарищ людей вечной памяти двенадцатого года, могущественная, еще глубоко верящая в себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть в столкновении с средою, погибнуть хоть бы из-за того, чтобы оставить по себе “страницу в истории”...».

Интерпретация спорная. Ее Овсяннико-Куликовский принял лишь отчасти, дистанцированно характеризуя герценовскую традицию — «на деятелей 20-х годов смотреть сквозь призму героической легенды...».

---

⁶ Далее цит. по [Григорьев, 1862].

Овсяннико-Куликовский доказывал, что стремится к объективности. Привел дежурный пример: «Грибоедовский Репетилов именно своею карикатурностью служит живым свидетельством того, как много было нелепой накипи в замечательном движении передовых людей эпохи 1815–1825 годов».

По Овсяннико-Куликовскому, суть не в «накипи». Главное, сам «тип» Чацкого характеризует «умственный облик поколения, которое призвано было учиться и просвещаться за всю Россию, в противоположность следующему поколению, призванному мыслить и страдать муками самосознания».

Впрочем, Овсяннико-Куликовский подчеркивал, что рефлексия, замещающая дело, не всегда обусловлена социальными факторами. Порою они лишь усиливают влияние черт характера, в силу которых у онегиных не формировались навыки «труда».

Характеризуя заглавного героя пушкинского романа, Овсяннико-Куликовский использовал термин именно тургеневский. Утверждал, что Онегин «был истинным “родоначальником лишних людей”...».

Речь шла о литературных героях, не сумевших найти область социальной реализации. По выражению Овсяннико-Куликовского, им не удалось «осуществить свою общественную стоимость».

За Онегиным — Печорин. Оба, согласно Овсяннико-Куликовскому, «принадлежат к одному и тому же общественно-психологическому типу. Это — тип неудачника и лишнего человека. Их индивидуальные различия только ярче оттеняют их общественно-психологическое родство».

Но в аспекте социального поведения «различия» важны. Все же Печорин, герой «30-х годов», служил, причем в столице. Правда, служба его разочаровала, и на Кавказ он был переведен в качестве так называемого штрафного, потому отставки сумел добиться не вскоре.

О «различиях» Овсяннико-Куликовский лишь упомянул. По его концепции, «родство» важнее: лермонтовский герой «не в состоянии найти себе подходящую деятельность на каком бы то ни было официальном поприще, ни на Кавказе, ни в Петербурге».

У двух героев времени общая причина неудач. Что и подчеркнул Овсяннико-Куликовский: «В эпоху, когда общественной деятельности, в собственном смысле, не существовало, а была только “служба”, уже являлись люди, для службы непригодные, но зато имевшие известные задатки для общественной деятельности. И в этом — и интерес, и трагизм этого типа. За отсутствием подходящего поприща, за неупражнением, эти задатки не развивались, атрофировались или извращались».

Так Овсяннико-Куликовский характеризовал эпоху онегиных и печоринных. Соотносил характеристику с явно пейоративным оттенком понятия «наше время» в лермонтовском романе.

Бельтов — тоже «лишний человек». Этот «тип», по словам Овсяннико-Куликовского, соответствует политической ситуации «перепутья от 30-х к 40-м».

Характеристика «лишнего человека» коррелируется с вопросом, который вынесен в заглавие герценовского романа. Один из возможных ответов тут же предложен: «Добролюбов, который питал как бы органическое отвращение к типу “людей 40-х годов” — ко всем этим Бельтовым, Рудиным и т. д., — сказал бы нам, что “виноват” прежде всего сам Бельтов, “виноват” тем, что он — барин, баловень, белоручка, человек без выдержки, неспособный к труду...»

С такой оценкой спорил Овсяннико-Куликовский. Настаивал, что герой романа Герцена, выпускник университета, оказался чужим в русском провинциальном городе, и там его ненавидят «именно как человека просвещенного и передового».

Но Овсяннико-Куликовский не оправдывал тургеневского Рудина. Характеристика резкая: «Дилетант мысли и благородных чувств...»

Далее — общий вердикт. По Овсяннико-Куликовскому, в заглавном герое тургеневского романа отражены черты поколения «русской интеллигенции»: «“Люди 40-х годов” много учились, читали, много мыслили и много разговаривали, разговаривали гораздо больше своих предшественников и своих преемников».

В нескончаемых разговорах иссякла социальная активность большинства «людей 40-х годов». Итог неутешителен: «“Слово” было их “дело”. Взамен того в практической деятельности — даже в узких пределах возможного и доступного тогда — они обнаруживали невыдержанность, неумелость, отсутствие деловитости и инициативы».

Зато отношение к Лаврецкому снисходительное. Он, научившись управлять помещичьим хозяйством, сумел еще и улучшить быт своих крепостных, а коль так, «не бесплодна его работа, и его жизнь, несомненно, получила и смысл, и общественное значение...».

Иное отношение к заглавному герою романа Гончарова. Оправданий нет: «От лучших людей 40-х годов Илья Ильич Обломов резко отличается тем, что не только не может и не умеет, но и не хочет “действовать”».

Значит, у «лучших» из «лишних» было желание «действовать», пусть и нечасто реализованное. Обломова же следует рассматривать как *«эпигона или, пожалуй, выроodka людей 40-х годов»*.

Аргументация приведена. Согласно Овсяннико-Куликовскому, «самое резкое отличие Обломова от идеалистов 40-х годов — это то, что он крепостник. Те только вырастали на лоне крепостного права (и то не все) и невольно усваивали себе привычки барской избалованности и некоторые — соответственные — замашки. Но они хорошо сознавали и живо чувствовали все зло и безобразие крепостного права, они его отрицали в принципе и нередко отказывались от сопряженных с ним “прав и преимуществ”. Илья Ильич — крепостник до мозга костей, крепостник и по привычкам, и по убеждению».

Для Овсяннико-Куликовского «тип» Обломова — экстремум. Совокупность негативных черт предреформенной «русской интеллигенции», хоть сам по себе герой романа Гончарова «на редкость хороший и чрезвычайно симпатичный человек».

Итоги анализа укладывались в имплицитно соотносимую с поражением декабристов концепцию противопоставления «службы» и «общественной деятельности». У энергичных чацких была гипотетическая перспектива изменить государственный строй, обеспечив себе новый путь социальной реализации, возможность легально участвовать в политике. Но онегины, а за ними и печорины — в ситуации бесперспективности. Аналогичным оказалось положение бельтовых и рудиных, пусть несколько позже. Только лаврецкие обрели, наконец, «общественное значение», да и то лишь в качестве рачительных помещиков. Следующий вариант — по степени разложения — патологически безвольные обломовы.

Применительно к заявленной нами теме интересны колебания масштабов на уровне гидронимики. Невелика Чацкая протока, не сравнить ее с Онегой и Печорой, зато двум гигантам уступают проливы Большой Бельт и Малый Бельт, а Руда, Лавра, Обломна — реки небольшие. Тут и аналогия напрашивается: от «30-х годов» мельчали герои времени, представители «русской интеллигенции».

В ожидании настоящего

Тургенев, согласно Овсяннико-Куликовскому, ставил задачу изображения героя времени. Решал ее поэтапно.

С этой концепцией хотя бы отчасти коррелируется проблематика романа «Накануне» (1860). Заглавие — намек: вскоре начнется Крымская война, приближается новая эпоха. Ее приближение чувствует героиня романа.

Двадцатилетняя наследница поместья Елена Стахова весьма скептически относится к своим поклонникам-дворянам: пусть каждый образован, умен, обаятелен, даже выбрал свое «дело», профессию, да только и выбранное не воспринимают они в качестве жизненной цели. Энергия, упорство им не свой-

ственны даже в области личной. Их противоположность — болгарский эмигрант Инсаров, жизнь посвятивший борьбе с турецким владычеством. Он и стал избранником героини, отправившейся с ним освобождать Болгарию.

Применительно к заявленной нами теме важна статья Добролюбова, опубликованная в 1860 году. Печаталась она как рецензия, затем ей дан отражающий прагматику заголовок: «Когда же придет настоящий день?»⁷.

Согласно Добролюбову, новый тургеневский роман — не только о «лишних людях». Потому и уместен вопрос: «Но почему же Инсаров не мог быть русским?»

Добролюбов ответ дал. Посредством намека: «В русском переводе Инсаров выйдет не что иное, как разбойник, представитель “противообщественного элемента”».

Намек был понятен современникам. Борьба за свободу в Российской империи — противодействие режиму. По Добролюбову, ясна и причина, в силу которой Елена не желает даже после смерти мужа вернуться на родину: «Где для нее там цель жизни, где жизнь?»

Однако вывод оптимистичен. Согласно Добролюбову, общество уже осознает, что «нужен человек, как Инсаров, — но русский Инсаров».

Таких, утверждал Добролюбов, еще нет. По его словам, «общественная среда до сих пор не благоприятствовала их развитию. И вот от нее-то, от этой среды, от ее пошлости и мелочности и должны освободить нас новые люди, которых появления так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее, все свежее в нашем обществе».

Сказанное Тургеневым и Добролюбовым о национально-освободительном движении в Болгарии приблизительно, да и сама фамилия Инсаров — не из типично болгарских. Зато она соотносима с гидронимом: река Инсар, конечно же, русская. Вот и пример для нового героя времени — в Российской империи.

Что до «среды», то Добролюбов намекал на ужесточение российской внутренней политики в связи с чередой западноевропейских революций 1848–1849 годов. Начался так называемый период реакции, в историографии названный «мрачным семилетием».

Прежний энтузиазм левых радикалов сменился тогда разочарованием. Западноевропейские события обусловили, например, мировоззренческий кризис Герцена.

Однако после неожиданного для многих поражения России в Крымской войне началось царствование Александра II, шла подготовка к масштабным

---

⁷ Далее цит. по [Добролюбов, 1860].

реформам, и разочарование сменилось надеждой. Потому и неудачи западно-европейских революций воспринимались в качестве искупительных жертв, неизбежных при борьбе с тиранией.

Вот и Тургенев, не бывший герценовским единомышленником, добавил в 1860 году к роману о Рудине эпилог. Заглавный герой, как известно, погиб в Париже, защищая баррикаду мятежников. Так что «лишний человек» нашел свой путь: хоть и не на родине, а сражался за правое дело. Пусть заведомо безнадежное тогда, важнее другое: «неудачнику», чья жизнь оказалась чередой отречений, дана почетная воинская смерть — в бою, под знаменем.

Такой финал не без иронии характеризовал Овсяннико-Куликовский. По его словам, «Онегин и Печорин скучали, “прожигали жизнь” и скитались, Рудин “душою скитался”, маялся и погиб в Париже на баррикадах. Но уже Лаврецкий “сел на землю” и как-никак “пахал ее” и нашел “пристанище”».

Вот только «пристанище» это — социальная роль дореформенного помещика, рабовладельца. Оптимизированный вариант гоголевского Собакевича.

Автор «Истории русской интеллигенции», рассуждая о «пристанище», солидаризовался, надо полагать, невольно, с одним из героев антимонархического фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (1902). Как раз тот и восклицал: «Дворянское первое дело — на земле сидеть-с! Да-с! Хозяином быть-с!» [Амфитеатров, 1902].

Рудинский финал был предпочтительнее многим современникам Герцена и Тургенева. Потому и Добролюбов рассуждал о «русском Инсарове», который должен появиться в ситуации ожидания перемен.

Ожиданием задана и специфика восприятия романа «Отцы и дети». Как хвалившие, так и бранившие его признавали: он — правдиво или заведомо пристрастно — отразил тенденции рубежа 1850–1860-х годов, периода, когда разворачивается действие⁸.

Знаменательно, что поколение «детей» представляет в первую очередь студент Базаров. Согласно автохарактеристике, «будущий лекарь, и лекарский сын, и дьячковский внук...».

Медициной увлечен и окончивший юридический факультет Кирсанов, хотя в его среде лекарское дело традиционно признавалось занятием отнюдь не дворянским. Но это соответствовало духу времени: как отметил Овсяннико-Куликовский, после Крымской войны «явственно обозначился особый интерес к естествознанию».

⁸ Далее цит. по [Тургенев, 1862].

Разумеется, причины не сводимы к «интересу». Естественнонаучные специализации гарантировали хотя бы относительную независимость от правительства: инженер ли, медик ли востребованы и вне службы.

Да, скептическое отношение к службе свойственно и героям времени в николаевское царствование. Ново другое: беседуя с базаровским отцом, Кирсанов утверждает, что сын отставного штаб-лекаря станет известным медиком, и все же не в медицине Базарову-младшему суждена «великая будущность».

Кирсанов не сообщил, в какой области прославится его приятель. Лишь отметил: «Это трудно сказать теперь, но он будет знаменит».

Не объяснено в романе, почему возникли подобного рода трудности. Объяснением нельзя признать и ссылки интерпретаторов на цензуру. Зато сам Базаров недвусмысленно формулирует свое отношение к проблеме благосостояния крестьянина: «Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»

Отсюда еще не следует, что студент-медик равнодушен к политике. Не случайно ранее отец его рассказывал сыну и Кирсанову о службе, когда «в каких только обществах не бывал, с кем не важивался! Я, тот самый я, которого вы изволите видеть теперь перед собою, я у князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал! Тех-то, в южной-то армии, по четырнадцатому, вы понимаете (и тут Василий Иванович значительно сжал губы), всех знал наперечет».

Речь шла о заговорщиках, арестованных «по четырнадцатому» декабря 1825 года в «южной» 2-й армии. П. Х. Витгенштейн был тогда командующим.

Однако к заговору не имел отношения М. С. Жуковский — генерал-интендант. На этой должности его сменил А. П. Юшневский, ставший другом лидера «южан» П. И. Пестеля, впоследствии осужденный, прошедший каторгу, сосланный в Сибирь и умерший там.

Неважно, ошибся ли сам Тургенев или по его воле ошибся рассказчик. Главное, намеки для современников были прозрачными.

Отец Базарова подчеркнул, что сам он к «четырнадцатому» не имел отношения. Даже и не хотел иметь: «Ну, да ведь мое дело — сторона; знай свой ланцет, и баста!»

Иное целеполагание у студента-медика. Приятелю, выбравшему путь отца-помещика, Базаров объясняет, что выбор закономерен — «для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится».

Не объяснено в романе, что за «наше дело» и кто занят им вместе с Базаровым. Однако, прощаясь с Кирсановым, студент-медик дает совет: «А ты по-

скорее женись; да своим гнездом обзаведись, да наделай детей побольше. Умницы они будут уже потому, что вовремя они родятся, не то, что мы с тобой».

Студент-медик полагает, будто родился не «вовремя». Ну а позже, заболев, уже бредя, говорит, что он России не нужен, в отличие от сапожника или мясника. Почему так — не объяснено в романе. Зато позже Тургенев в одном из писем объяснил, что для него Базаров — «революционер»⁹.

О сочувствии писателя конкретным леворадикальным сообществам речь не шла. Базаров, по Тургеневу, задуман как «фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на гибель, — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего...».

Овсяннико-Куликовский выразил мнение, противоположное тургеневскому. Утверждал, что Базаров «не вышел типичным революционером. У него есть только задатки для революционной деятельности...».

Свое мнение Овсяннико-Куликовский аргументировал. По его словам, у скептика и мизантропа Базарова нет «вкуса к пропаганде и партийной деятельности. Во всякой партии ему будет тесно и скучно. Какой же он революционер?».

Очередному герою времени оценка дана — «общественно-психологическая». Его психика не соответствовала представлениям интерпретатора о той, что свойственна революционерам.

Задачник с решебником

Базаров, согласно Овсяннико-Куликовскому, не «разрушитель», а лишь «отрицатель». Мнения подобного рода формулировали и некоторые современники Тургенева.

Иные мнения Овсяннико-Куликовский игнорировал. К примеру, сказанное Писаревым в статье «Базаров», опубликованной вскоре после издания романа «Отцы и дети»¹⁰.

Писарев, разумеется, следовал традиции, заложенной Белинским. Утверждал, что «надо показать, в каких отношениях находится Базаров к разным Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым и другим литературным типам, в которых, в прошлые десятилетия, молодое поколение узнавало черты своей умственной физиономии».

Заведомо иронично отношение к «другим литературным типам». Но вывод оптимистичен. Согласно Писареву, «у Печориных есть воля без знания, у

⁹ Здесь и далее цит. по [Тургенев, 1884].

¹⁰ Далее цит. по [Писарев, 1863].

Рудиных — знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля. Мысль и дело сливаются в одно твердое целое».

Что за «дело» — не объяснено. Подробнее тезисы развернуты в статье «Мыслящий пролетариат» (1865)¹¹.

Как раз тогда в разгаре полемика о романе Чернышевского. Писарев и акцентировал внимание читателей на изменениях литературно-политического контекста: «Над существованием новых людей прежде всех задумался в нашей беллетристике Тургенев. Инсаров был неудачною попыткой в этом направлении; Базаров явился очень ярким представителем нового типа; но у Тургенева, очевидно, не хватило материалов для того, чтобы полнее обрисовать своего героя с разных сторон».

Писарев обозначил преемственную связь романов Чернышевского и Тургенева. Она была очевидна современникам: Кирсанов — однофамилец базаровского приятеля, студент-медик, вместе с ним учится Лопухов, и эта фамилия предсказуемо напоминала ироническое суждение тургеневского героя о собственной участи.

Применительно к базаровскому «делу» Чернышевский указал цель масштабную — создание общества справедливости. Указаны и задачи, которые надлежит решить, чтобы цель была достигнута. Определены алгоритмы решения: от выбора профессии до способов освоения иностранных языков, методик развития физической силы и воспитания непреклонной воли. Используя современную терминологию, можно сказать, что автор романа предложил комплекс ролевых моделей [Фельдман, Щербаков, 2020].

Рахметов, конечно же, «русский Инсаров». Значит, будущий лидер пресловутых народных масс, «особенный человек».

Согласно Писареву, «особенный человек» — бесспорная удача Чернышевского. Отмечено, что «Инсаров остается для нас совершенно неосязательным, между тем как Рахметов совершенно понятен...».

Другой вопрос — происхождение «особенного человека». Он, судя по роману, из старинного дворянского рода, и предсказуемые ассоциации вызывает сама фамилия, обозначающая тюркские корни. Но ее нет в «Русской родословной книге», зато вновь налицо гидронимическая переключка — озеро Рахмет.

Совпадение можно признать случайным. Очередной раз.

Характерно, что жизнь Рахметова, как Базаров и говорил, «бобыльная». Семейная возможна лишь в отдаленной перспективе.

---

¹¹ Далее цит. по [Писарев, 1865].

У Лопухова примерно та же ситуация. Он помогает Рахметову в главном «деле», потому, уехав из России, возвращается и живет под чужим именем. За рамками повествования осталась конкретика, но современникам Чернышевского хватало и намеков.

Кирсанов, будучи примерным семьянином, преуспевающим врачом и ученым, тоже не отрекся от главного «дела». Он — сотрудник Рахметова и Лопухова.

Чернышевский не пропагандировал какую-либо ролевую модель в качестве единственно достойной. Каждому читателю предлагалось выбрать сильную: рахметовскую, лопуховскую, кирсановскую.

Аналогично решена проблема внесемейной социальной реализации для женщин. Здесь опять предложен выбор.

Спутницей Рахметова может стать выбравшая тот же путь. Значит, она — «особенный человек».

Такое мало кому по силам. Потому Вера Павловна организовала сеть швейных мастерских, предоставлявшую владелице стабильный доход, а работницам — и достойный заработок, и социальные гарантии. Алгоритм ясен: основой равноправия женщины станет ее экономическая независимость.

Если непосильно предпринимательство, остается ролевая модель помощницы Веры Павловны. Женщины, сделавшие такой выбор, тоже вовлечены в социальную деятельность.

Что до этики, то Чернышевский доказывал: худшая женская участь — торговля своим телом. Сообразно этой установке Вера Павловна отвергала навязываемые матерью ролевые модели содержанки или даже «законной» жены нелюбимого мужа-богача. Все одно: проституция.

Фиктивный брак — способ избавиться от родительской власти. Иными отношения Лопухова и Веры Павловны могли стать лишь в силу ее свободного выбора. Алгоритм — помочь женщине, уважая ее права.

Сообразно тому же алгоритму Лопухов поступил, узнав, что жена любила Кирсанова. Инсценировав самоубийство, избавил ее от унижительной процедуры развода.

Внимание читателей акцентируется на том, что к Лопухову у Веры Павловны нет претензий. Ну а Рахметов объяснил героине: ее выбор не противоречит этике «новых людей», наоборот, безнравственно сохранять брак, если нет любви.

Система этических воззрений «новых людей» подробно эксплицирована в романе и применительно к их главному «делу». Ее название — тоже риторический прием: «теория разумного эгоизма».

По Чернышевскому, нет плеоназма в таком названии. Согласно роману, «новые люди» живут в гармонии с собой, делая то, что считают нужным делать, хоть и не для себя, и, если они счастливы, значит, лишь кажутся альтруистами, а на самом деле — эгоисты, только «разумные».

Такая система воззрений провоцировала иронию. К примеру, Н. Н. Страхов в 1865 году утверждал, что эта книга «учит быть счастливым» [Косица, 1865].

Издавна отмечено, что в этической системе «новых людей» не было концептуальной новизны. Однако Чернышевский не скрывал это.

Ему многие критики и литературоведы отказывали в писательском даровании, но лишь немногие утверждали, что он бездарен как пропагандист. Успех «рассказов о новых людях» в немалой мере обусловлен пропагандистским мастерством автора, навыками проповеди, сформированными выучкой более семинарской, чем университетской. Пользуясь гимназическим жаргоном, можно сказать, что роман воспринимался в качестве задачника с решебником.

Модельные аргументы

В нашу задачу не входит спор о книге Чернышевского. Главное, что Овсяннико-Куликовский вывел ее за рамки литературы, ссылаясь на критерий художественности, но им же пренебрегал, рассматривая в аспекте «истории русской интеллигенции» некоторые романы Боборыкина — при весьма скептической оценке дарования автора.

Кстати, обоих писателей сопоставлял Д. С. Философов. Он тоже рассуждал о несоответствии масштабов популярности и дарования [Философов, 1910] (см. также [Щербаков, 2021, с. 63–64]).

Применительно к нашей теме важно предложенное Овсяннико-Куликовским определение самого понятия «интеллигенция». Дифференциальные признаки обозначены. Первый — наличие некоего образования. Второй, разумеется, интерес к проблематике интеллектуального характера. Третий — социальная направленность деятельности или хотя бы намерений.

Этим признакам соответствуют Рахметов, Лопухов, Кирсанов и Вера Павловна. Но они, по Овсяннико-Куликовскому, «не типы».

Полемика о значении самого понятия «тип» непродуктивна. Важно другое: по словам Овсяннико-Куликовского, герои Чернышевского выражают протест, «так сказать, бытовой и моральный. Лопуховы и Кирсановы восстают против устарелых форм быта, семейного и общественного, против традиционной морали, противопоставляя ей новые нравственные понятия».

Но тут и сделана оговорка. Исследователь заявил: «Протест политический, по-видимому, не входил в круг интересов и, так сказать, программу этих новых людей...»

В связи с «программой» Рахметов не упомянут. Иначе утратили бы смысл рассуждения о протесте исключительно «бытовом и моральном».

Овсяннико-Куликовский игнорировал авторскую позицию Чернышевского. Таков был произвол исследователя, произвольно же оставлен вне рассмотрения роман «Преступление и наказание».

При этом автора Овсяннико-Куликовский не характеризовал как исключительно публициста. Наконец, он не мог не знать, что современникам был очевиден публицистический характер интерпретации этики «новых людей» в романе Достоевского.

Интерпретатор, как известно, Лебезятников. Спорно его внешнее сходство с Чернышевским, но важны уничижительные характеристики: пропагандист равноправия «глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к “молодым поколениям нашим” — по страсти. Это был один из того бесчисленного и разноличного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат»¹².

Так, Лебезятников утверждает, что имел право завершить дракой свой конфликт с женой Мармеладова. Нарушения этических норм нет, «если уж принято, что женщина равна мужчине во всем, даже в силе (что уже утверждают), то, стало быть, и тут должно быть равенство».

Аналогично интерпретируется женская инициатива разрушения семьи. По словам Лебезятникова, одна из его знакомых сообщила «мужу в письме: “Никогда не прощу вам, что вы меня обманывали, скрыв от меня, что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно все это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуну”».

По Лебезятникову, форма протеста и проституция. Такое социальное поведение «не совсем нормально, потому что вынужденное, а в будущем совершенно нормально, потому что свободное».

Вот и Соня Мармеладова, по Лебезятникову, протестует. Использует «фонд, так сказать, капитал, которым она имела полное право располагать. Разумеется, в будущем обществе фондов не надо будет; но ее роль будет обозначена в другом значении, обусловлена стройно и рационально».

¹² Здесь и далее цит. по [Достоевский, 1973, с. 279–284].

Правда, не сказано, как же она «будет обозначена». Мармеладовой, настаивает Лебезятников, довольно лишь попасть в «коммуну», а там ее «роль» сразу «изменит всю теперешнюю свою сущность, и что здесь глупо, то там станет умно...».

Лебезятников, в отличие от Лужина, не труслив и не подл. Только «глуповат», чем и обоснована комичность интерпретаций. Зато вполне серьезно интерпретировалось целеполагание «новых людей». Оно подразумевало не только саму цель, но и средства ее достижения.

«Четвертый сон Веры Павловны» — визуализация главной цели «новых людей». Правда, средства ее достижения лишь обозначены, когда речь идет о подготовке Рахметова к деятельности вождя. Но современникам хватило и намеков. По совокупности из них следовало: волевому силачу во главе пресловутых народных масс надлежит преобразовать несправедливое устройство общества. Значит, «особенный человек» заранее признал допустимым пролитие чужой крови. Достоевский и полемизировал с Чернышевским о нравственном праве на кровопролитие.

Теория Раскольников и результаты ее реализации — своего рода модель. Она создана военным инженером в полемике с искусным ритором.

Свою теорию Раскольников, как известно, проверил опытным путем. Жертва планировалась единственная, да и та — лишенная атрибутов женственности злодейка, такую вроде бы не жалко. Статус, можно сказать, «особенного человека», имеющего нравственное право на кровопролитие, подтвердило бы отсутствие мук совести, если же появятся, так их компенсирует благотворительность — за счет отобранного у ростовщицы. Получается, что экспериментатор планировал минимизировать расходный материал и максимизировать компенсацию нежелательного эффекта при неудаче эксперимента. В современной терминологии — ставил и решал задачу минимаксную.

Знакова попытка Разумихина доказать, что безнравственно признание допустимости убийства как средства. Сам он убежден: в основе теории Раскольникова — «воззрения социалистов» [Достоевский, 1973, с. 196].

Это спорно. Возвращаясь же к гидронимическим ассоциациям, отметим, что параллельными были течения Разумной и Раскола, а разошлись у теории «крови по совести».

Ее погрешности и выявила инженерная модель. Втрое превышен минимум жертв: убита беременная сестра ростовщицы, значит, погиб и ребенок, идея же благотворительности не реализована. Да и топор — символ крестьянского бунта.

Овсяннико-Куликовский не стал анализировать эту полемику с Чернышевским. Зато Страхов еще в 1867 году утверждал: Достоевским впервые «изо-

бражен нигилист несчастный, нигилист, глубоко, человечески страдающий» [Страхов, 1867].

В данном случае понятие «нигилист» соотнесено с героями романов Тургенева, Чернышевского и Достоевского. На уровне гидронимических ассоциаций — от Базара до Раскола.

Писарев в 1867 году отрицал уместность любых сопоставлений героя Достоевского с пресловутыми нигилистами. Безоговорочно заявил: «Теория Раскольникова не имеет ничего общего с теми идеями, из которых складывается мирозерцание современно развитых людей» [Писарев, 1868].

Согласно Писареву, унижение ницетой обусловило расстройство психики и теорией «крови по совести» больной оправдывал стремление к легкой наживе. Так что лишь с точки зрения клиники интересно, есть ли «такое психическое состояние и верно ли оно изображено в романе Достоевского...».

С Писаревым — по умолчанию — Овсяннико-Куликовский и солидаризовался. Однако интенции тут разные.

Другие очевидности

Писарев свел предложенную Достоевским инженерную модель к диагнозу Раскольникова. Тут Лебезятников оказался лишним.

У Овсяннико-Куликовского аполитичны и Базаров, и «новые люди» из романа Чернышевского, только Рахметова там словно бы нет. Ну а Лебезятников как энтузиаст «коммун» и Раскольников с его теорией, восходящей, по Разумихину, к «воззрениям социалистов», оказались вне «истории русской интеллигенции».

Отсутствия знаковые. Овсяннико-Куликовский пытался доказать: понятия «революционеры» и «русская интеллигенция» не пересекались.

Новизны тут не было. Важно, что Овсяннико-Куликовский, ссылаясь на очевидность, противоречил собственному же определению понятия «русская интеллигенция».

Современники рассуждали о другой очевидности. К примеру, Р. В. Иванов-Разумник, опубликовавший статью «Что такое интеллигенция?» (1907)¹³.

По его словам, один из дифференциальных признаков — именно политического характера. Постулировалось, что «история русской интеллигенции ведет свое начало от группы, впервые поставившей своим девизом борьбу за народное освобождение...».

Далее введен и второй дифференциальный признак. Это «внесловность».

¹³ Далее цит. по [Иванов-Разумник, 1911].

Он и отражал российскую государственную специфику. По Иванову-Разумнику, в стране, где узаконено неравноправие сословий, исторически формировалась оппозиционная внесословная «социально-этическая группа».

В этой концепции хронологические рамки «истории русской интеллигенции» шире предложенных Овсяннико-Куликовским. Согласно Иванову-Разумнику, внесословная «социально-этическая группа» формировалась еще в до-грибоедовскую эпоху.

Введен и третий дифференциальный признак. Это так называемый умственный труд как средство решения социальных задач, соответствующих целеполаганию «русской интеллигенции».

Минуло около полувека, и феномен «русской интеллигенции» анализировал эмигрант Н. М. Зёрнов, чью монографию выпустило британское издательство. Он рассуждал о тех же дифференциальных признаках: внесословном единстве, так называемом умственном труде и «непреклонной оппозиционности»¹⁴.

Согласно Зёрнову, «непреклонная оппозиционность» изначально была существенным признаком. Вот почему «вне интеллигенции стояли те писатели, ученые и художники, которые не вмешивались в политику или не усвоили тех принципов, которыми руководствовалась интеллигенция».

Зёрнов, в отличие от Иванова-Разумника, сузил хронологические рамки «истории русской интеллигенции». Утверждал, что лишь в царствование Александра II появилась эта социальная группа. На уровне же гидронимии — от Базара к Рахмету и далее.

История «русской интеллигенции», согласно Зёрнову, завершилась в начале советской эпохи. Значит, феномен рассмотрен «как социальное явление безвозвратно ушедшего прошлого...».

Правда, не только поэтому, утверждал Зёрнов, интересна такая социальная группа. Она — «единственная в своем роде».

Тезис Зёрнов не аргументировал, да и не он первым так рассуждал. Современники знали, что термин «интеллигенция» как обозначение социальной группы был востребован лишь в России.

Это вполне объяснимо. Термин не понадобился бы там, где не было такого, как в России, сословного деления.

Оно в советском государстве упразднено осенью 1917 года. Потому и стал неактуальным относившийся к понятию «русская интеллигенция» дифференциальный признак «внесословности».

---

¹⁴ Далее цит. по [Зёрнов, 1974, с. 17–46].

Деактуализировался и другой — «оппозиционность». С осени 1918 года противники советского правительства, сообразно проявленной ими активности, подлежали расстрелу без суда или заключению в концентрационный лагерь: «красный террор» [Постановление ... , 1918].

После его формальной отмены любые проявления оппозиционности режиму тоже подавлялись. В итоге понятие «интеллигенция» соотносилось лишь с так называемым умственным трудом, значит, образованием.

На уровне же официального словоупотребления существенно изменилось значение самого понятия «труд». Политически важная характеристика была добавлена: «общественно-полезный».

Имелся в виду не способ заработка, а формы обязательного для всех служения государству. В связи с этим изменился статус так называемого умственного труда — социальный. Образование избавляло от работы физической, а Советский Союз официально именовался «государством рабочих и крестьян».

Соответственно, писатели, характеризуя персонажей, ассоциируемых с понятием «советская интеллигенция», доказывали, что так называемый умственный труд не обязательно легче, а порою тяжелее и/или опаснее физического. Мэру писательской искренности в каждом случае можно не оценивать, важно общее стремление — не противоречить пропагандистской установке [Одесский, Фельдман, 1994].

Она была выражена и терминологически. Занятые так называемым умственным трудом попали в категорию «служащих».

Кстати, в 1938 году И. В. Сталин публично заявил, что не вполне удачно выбран термин «служащие». Есть в нем оттенок пренебрежения, хотя «без этой интеллигенции, без людей, которые живут интеллектом, — государство существовать не может» [цит по: Сталин, 2006, с. 159–160].

Лояльность режиму подразумевалась. К 1938 году термин «интеллигенция» утратил прежние дефиниции, а новые были невняты.

Формы противостояния

Уместно вновь подчеркнуть: мы не ставим задачу определения самого понятия «интеллигенция». Об узусе и контекстах рассуждаем.

К примеру, А. И. Солженицын в 1974 году предложил термин, эмблематизировавший изменения контекста. Вместо досоветской, хорошо ли, худо ли, но свободомыслящей «интеллигенции» — советская всегда конформная «образованщина» [Солженицын, 1974].

Но ситуация постепенно менялась, и важным фактором оказалась своего рода память культуры. С этой точки зрения интересно написанное в 1975 году стихотворение А. А. Вознесенского — «Есть русская интеллигенция»¹⁵.

Вознесенский словно бы отвечал Солженицыну. Причем ответ изначально полемичен: «Есть русская интеллигенция. / Вы думали — нет? Есть. / Не масса индифферентная, / а совесть страны и честь».

Далее — примеры. В первую очередь названы С. Т. Рихтер и С. С. Аверинцев. Оба «постольку интеллигенция, поскольку они честны».

Дифференциальный признак определен невнятно. Однако для осведомленных современников намеки были прозрачны.

Знаменитый пианист «честен», потому что от дружбы с опальными С. С. Прокофьевым и Б. Л. Пастернаком не отрекся. В отличие от многих.

Авторитетный филолог «честен», потому что он, в отличие многих коллег, религию не игнорировал. Добился в 1977 году выпуска монографии о ранневизантийской литературе, разумеется, христианской.

Пример третий и последний — астрофизик Н. А. Козырев. Он в 1970-е годы не отрекся от своей теории физических свойств времени, которая была официально признана не соответствующей базовой установке советской идеологии, атеизму.

Эстетическая оценка стихотворения не входит в нашу задачу. Важна его этическая прагматика: все примеры объединены по критерию несоблюдения поведенческих норм, диктуемых официальными пропагандистскими установками.

Нет оснований полагать, будто Вознесенский доказывал, что «русская интеллигенция» оппозиционна. Однако так получилось.

Весьма интересно с этой точки зрения мнение Д. Сегала, анализировавшего историю отечественного литературоведения XX века. По словам исследователя, «старая идейность, полагавшая, что моральным императивом русского интеллигента является защита простого народа, трансформируется в новую идейность, утверждающую, что на самом деле таким моральным императивом является защита свободы мысли» [Сегал, 2011, с. 210].

Вновь «моральный императив» — оппозиционность. Что и объединяло не принявших официальный советский дискурс литературоведов. Ну а среди них знаковая фигура — Лотман.

Фамилия профессора Тартуского университета стала тоже символом оппозиционности. Подразумевалось, что «непреклонной». Он, как утверждал в 1995 году Б. Ф. Егоров, «противостоял и боролся» [Егоров, 1995, с. 5].

---

¹⁵ Далее цит. по [Вознесенский, 1976].

Разумеется, «противостоял и боролся» посредством лекций и научных публикаций. Можно сказать, что «слово» и было «делом» Лотмана, а также его последователей, создавших концепцию героев времени, проецированную на советскую эпоху, но формально относящуюся к истории русской литературы.

Наиболее важная компонента этой концепции — история декабристского заговора. В осмыслении Лотмана она полемически ориентирована по отношению к традиции, согласно которой декабристы были первыми отечественными революционерами.

Полемика и подразумевала ориентацию на другую традицию, формировавшуюся в конце XIX века. Ее базовая установка — противопоставление революционеров, готовых к насильственному изменению режима, либералам, уповающим на эволюционные методы. В качестве эталонного примера можно привести лотмановскую статью 1974 года: «Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)» [Лотман, 1975].

Лотман рассматривал пропагандистскую специфику деятельности заговорщиков. Анализируя грибоедовскую комедию, утверждал: «Главной формой действия оказалось *речевое* поведение декабриста».

Чацкий — декабрист. Он «*публично* называет вещи своими именами, “тремит” на балу и в обществе, поскольку именно в таком назывании видит освобождение человека и начало преобразований».

Влияние полемики с официальной советской историографией заметно и в постсоветскую эпоху. Пример из характерных — проведенная в Санкт-Петербурге международная научная конференция «Истоки и судьбы русского либерализма. К 175-летию восстания декабристов».

Был и сборник, изданный с полемически ориентированным заглавием — «Империя и либералы». Примечательна там статья В. Я. Мотыля. Создатель блокбастера «Звезда пленительного счастья» утверждал, что мятеж декабристы не планировали, 14 декабря 1825 года офицеры на Сенатской площади «так и говорили: “Вот достоим до такого-то часа, и подпишет Николай Конституцию”. Они ждали, они вышли на демонстрацию, зная, что это может кончиться плохо, но это была демонстрация» [Мотыль, 2001, с. 285] (ср. [Фельдман, 2008]).

Мотыль логически завершил концепцию, из которой были изъяты декабристские планы цареубийства, государственного переворота, события военных мятежей. Вот и появилась возможность рассуждать о декабристах вне ассоциаций с понятием «революционеры».

Средства всегда соответствуют цели. Овсяннико-Куликовский противопоставил Чацкого декабристам, а Лотман к ним причислил — тоже в качестве представителя «русской интеллигенции».

Для Лотмана и его последователей хронологически локализован поиск героев времени и представителей «русской интеллигенции»: с 1812 года и до окончания царствования Александра I. Используя гидронимические ассоциации, можно сказать, что от Чацкой протоки и не дальше Онеги.

Локализацию поиска Лотман обозначил в книге о Карамзине. Рассуждал о формировании сообщества, где каждый — «дворянский интеллигент пушкинской эпохи» [цит по: Лотман, 1987, с. 230].

О «внесловности» речи уже не было. Что соответствовало предложенной Овсяннико-Куликовским парадигме, откуда удалены гипотетические радикалы.

Лотман рассуждал о той части «пушкинской эпохи», что завершилась до 14 декабря 1825 года. Лишь в таких пределах возможны проекции на пропагандистскую деятельность советских «шестидесятников», избегавших ассоциации с радикалами, коих считали предшественниками большевиков.

На исходе советской эпохи и такие проекции утратили актуальность. Используя гидронимические ассоциации, можно подвести итог: со временем интерес к характеристикам Чацкой протоки, Базара или Рахмета стал только академическим.

Список источников

Амфитеатров А. Господа Обмановы // Россия. 1902. 13 янв.

Анненков П. Заметки о русской литературе 1848 года // Современник. 1849. № 1, отд. III. С. 1–23.

Белинский В. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Отечественные записки. 1844. Т. XXXVII, № 12, отд. V. С. 45–72.

Белинский В. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Отечественные записки. 1840. Т. XI–XII, отд. V. С. 1–38.

Введение: «Реализм» и русская литература XIX века / М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клигер, К. Осповат // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 5–66.

Вознесенский А. А. Есть русская интеллигенция // Вознесенский А. А. Витражных дел мастер. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 42–43.

Гончаров И. Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Русская речь. 1879. № 6. С. 285–332.

Григорьев А. А. По поводу нового издания старой вещи: «Горе от ума». СПб. 1862 // Время. 1862. № 8. С. 35–50.

[*Добролюбов Н. А.*] Новая повесть г. Тургенева // Современник. 1860. № III, отд. III. С. 31–72.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6: Преступление и наказание. 423 с.

Егоров Б. Ф. Личность и творчество Ю. М. Лотмана // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 5–20.

Зёрнов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Paris: YMCA-PRESS, 1974. 382 с.

Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? // Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Идеализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века: в 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. I. С. 3–13.

Косица Н. [Страхов Н. Н.]. Счастливые люди. Один из наших типов. Статья первая // Библиотека для чтения. 1865. № 7–8. С. 142–146.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1895. 2 т.

Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя / 2-е изд. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Мотыль В. Я. [Выступление на международной конференции «Империя и либералы»] // Империя и либералы: (Материалы международной конференции). Сб. эссе. СПб.: Журнал «Звезда», 2001.

Н-бов [Добролюбов Н. А.]. Что такое обломовщина? Обломов. Роман И. А. Гончарова. Отечественные записки, 1859 г., № I–IV // Современник. 1859. № V, отд. III. С. 59–98.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской литературы XIX века. М.: Изд. В. М. Саблина. 1906. 2 ч.

Одесский М., Фельдман Д. Выйти живым из строя. Русская литература: поэтика болезни, здоровья и труда // Дружба народов. 1994. № 3. С. 177–192.

Писарев Д. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Русское слово. 1863. № 3, отд. III. С. 1–54.

Писарев Д. Борьба за существование. (Преступление и наказание, роман Ф. М. Достоевского. Две части. 1867) // Дело. 1868. № 8, отд. Современное обозрение. С. 1–33.

Писарев Д. Мыслящий пролетариат // Русское слово. 1865. № 1, отд. II. С. 1–42.

Постановление Совета Народных Комиссаров «О красном терроре» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. № 195.

Ред(актор) [Дружинин А. В.]. Обломов, роман И. А. Гончарова. Два тома. Санкт-Петербург, 1859 г. // Библиотека для чтения. 1859. № 12, отд. Литературная летопись. С. 1–25.

Сегал Д. Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. М.: Водолей, 2011. 207 с.

Солженицын А. И. Образованщина // Из-под глыб. Сб. ст. Paris: YMCA-PRESS, 1974. С. 217–259.

Сталин И. В. Выступление на Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса Истории ВКП(б)» 10 октября 1938 года // *Сталин И. В.* Собрание сочинений. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. Т. 18. С. 159–160.

Страхов Н. Н. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом Ф. М. Достоевского // Отечественные записки. 1867. № 3, 4.

Тургенев И. Отцы и дети. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1862. 304 с.

Тургенев И. С. Письмо Случевскому К. К. 14 апр. 1862 // *Тургенев И. С.* Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. С. 104–107.

Фельдман Д. М. Декабристоведение сегодня: Терминология, идеология, методология // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2008. С. 663–713.

Фельдман Д. М., Щербаков Д. А. Магистр игры: Политика и риторика в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях» // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 216–240.

Философов Д. П. Д. Боборыкин // Русская мысль. 1910. № 12. С. 88–99.

Шпет Г. Г. Собрание сочинений. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 6: Очерк развития русской философии: II. Материалы / реконструкция Татьяны Щедриной. 845 с.

Щербаков Д. А. Формирование литературной репутации Чернышевского в XIX–XXI веках. М.: Неолит, 2021.

References

Amfiteatrov, A. (1902) “Gospoda Obmanovy” [“Gentlemen Obmanovs”], *Rossiya [Russia]*, 13 Jan.

Annenkov, P. (1849) “Zametki o russkoi literature 1848 goda” [“Notes on Russian Literature of 1848”], *Sovremennik [Contemporary]*, (1), section III, pp. 1–23.

Belinskii, V. (1844) “Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya vos'maya” [“The Works of Alexander Pushkin. Article Eight”], *Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]*, 37(12), section V, pp. 45–72.

Belinskii, V. (1840) “Geroi nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova” [“A Hero of our Time. The Work of M. Lermontov”], *Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]*, (11–12), section V, pp. 1–38.

Vaisman, M. *et al.* (2020) “Vvedenie: ‘Realizm’ i russkaya literatura XIX veka” [“Introduction: ‘Realism’ and Russian Literature of the 19th Century”], in *Russkii realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie: Sbornik statei [Russian Realism of the 19th Century: Society, Knowledge, Narrative: Collection of Articles]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], pp. 5–66.

Voznesenskii, A. A. (1976) “Est' russkaya intelligentsiya” [“There is a Russian Intelligentsia”], in Voznesenskii, A. A. *Vitrazhnykh del master. Stikhi [Stained Glass Master. Poems]*. Moscow: Molodaya gvardiya [The Young Guard], pp. 42–43.

Goncharov, I. (1879) “Luchshe pozdno, chem nikogda (Kriticheskie zametki)” [“Better Late than Never (Critical Notes)”], *Russkaya rech' [Russian Speech]*, (6), pp. 285–332.

Grigor'ev, A. A. (1862) “Po povodu novogo izdaniya staroi veshchi: ‘Gore ot uma’. SPb. 1862” [“About the New Edition of the Old Thing: ‘Woe from Wit’. St. Petersburg. 1862”], *Vremya [Time]*, (8), pp. 35–50.

[Dobrolyubov, N. A.] (1860) “Novaya povest' gospodina Turgeneva” [“A New Novel by Mr. Turgenev”], *Sovremennik [Contemporary]*, (3), section III, pp. 31–72.

Dostoevskii, F. M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom. 6: Prestuplenie i nakazanie [Complete Works: 30 vols. Vol. 6: Crime and Punishment]*. Leningrad: Nauka Publ.

Egorov, B. F. (1995) “Lichnost' i tvorchestvo Yu. M. Lotmana” [“Personality and Creativity of Yu. M. Lotman”], in Lotman, Yu. M. *Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; “Evgenii Onegin”: Kommentarii [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary]*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., pp. 5–20.

Zernov, N. (1974) *Russkoe religioznoe vrozozhdenie XX veka [Russian Religious Revival of the 20th Century]*. Paris: YMCA-PRESS.

Ivanov-Razumnik, R. V. (1911) “Chto takoe intelligentsiya?” [“What is the Intelligentsia?”], in *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli. Idealizm i meshchanstvo v russkoi literature i zhizni XIX veka: v 2 tomakh. Tom I [The History of Russian Social Thought. Idealism and Philistinism in Russian Literature and Life of the 19th Century: 2 vols. Vol. 1]*. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, pp. 3–13.

Kositsa, N. [Strakhov, N. N.] (1865) “Schastlivye lyudi. Odin iz nashikh tipov. Stat'ya pervaya” [“Happy People. One of our Types. Article One”], *Biblioteka dlya chteniya* [The Library for Reading], (7–8), pp. 142–146.

Lobanov-Rostovskii, A. B. (1895) *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian Pedigree Book] (2 vols). St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ.

Lotman, Yu. M. (1975) “Dekabrist v povsednevnoi zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psikhologicheskaya kategoriya)” [“Decembrist in Everyday Life (Everyday Behavior as a Historical and Psychological Category)”], in *Literaturnoe nasledie dekabristov* [Literary Heritage of the Decembrists]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 25–74.

Lotman, Yu. M. (1983) *Roman A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”: Kommentarii. Posobie dlya uchitelya* [A. S. Pushkin's Novel “Eugene Onegin”: Commentary. Teacher's Manual]. 2nd edn. Leningrad: Prosveshchenie Publ.

Lotman, Yu. M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga Publ.

Motyl', V. Ya. (2001) “[Vystuplenie na mezhdunarodnoi konferentsii ‘Imperiya i liberaly’]” [“[Speech at the International Conference ‘Empire and Liberals’]”], in *Imperiya i liberaly: (Materialy mezhdunarodnoi konferentsii). Sbornik esse* [Empire and Liberals: (Materials of the International Conference). Collection of Essays]. St. Petersburg: Zhurnal “Zvezda” Publ.

N-bov [Dobrolyubov, N. A.] (1859) “Chto takoe oblomovshchina? Oblomov. Roman I. A. Goncharova. Otechestvennye zapiski, 1859 god, № I–IV” [“What is Oblomovism? Oblomov. The Novel by I. A. Goncharov. Domestic Notes, 1859, no. I–IV”], *Sovremennik* [Contemporary], (5), section III, pp. 59–98.

Ovsyaniko-Kulikovskii, D. N. (1906) *Istoriya russkoi intelligentsii. Itogi russkoi literatury XIX veka* [The History of the Russian Intelligentsia. The Results of the Russian Literature of 19th Century] (2 vols). Moscow: V. M. Sablin Publ.

Odesskii, M. and Fel'dman, D. (1994) “Vyiti zhivym iz stroya. Russkaya literatura: poetika bolezni, zdorov'ya i truda” [“To Get out of the System Alive. Russian Literature: The Poetics of Illness, Health and Work”], *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], (3), pp. 177–192.

Pisarev, D. (1863) “Bazarov. ‘Ottsy i deti’, roman I. S. Turgeneva” [“Bazarov. ‘Fathers and Children’, the Novel by I. S. Turgenev”], *Russkoe slovo* [Russian Word], (3), section III, pp. 1–54.

Pisarev, D. (1868) “Bor'ba za sushchestvovanie. (Prestuplenie i nakazanie, roman F. M. Dostoevskogo. Dve chasti. 1867)” [“The Struggle for Existence. (Crime and Punishment, the Novel by F. M. Dostoevsky. Two Parts. 1867”], *Delo* [The Business], (8), section *Sovremennoe obozrenie* [Contemporary Review], pp. 1–33.

Pisarev, D. (1865) “Myslyashchii proletariat” [“The Thinking Proletariat”], *Russkoe slovo [Russian Word]*, (1), section II, pp. 1–42.

“Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov ‘O krasnom terrore’” [“Resolution of the Council of People’s Commissars ‘On the Red Terror’”] (1918) *Izvestiya Vserossiiskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov [News of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets]*, 195.

Redaktor [Druzhinin, A. V.] (1859) “Oblomov, roman I. A. Goncharova. Dva toma. Sankt Peterburg, 1859 god” [“Oblomov, the Novel by I. A. Goncharov. Two vols. St. Petersburg, 1859”], *Biblioteka dlya chteniya [The Library for Reading]*, (12), section Literaturnaya letopis', pp. 1–25.

Segal, D. (2011) *Puti i vekhi: Russkoe literaturovedenie v dvadtsatom veke [Paths and Milestones: Russian Literary Studies in the Twentieth Century]*. Moscow: Vodolei Publ.

Solzhenitsyn, A. I. (1974) “Obrazovanshchina”, in *Iz-pod glyb. Sbornik statei [From-under the Boulders. Collected Articles]*. Paris: YMCA-PRESS, pp. 217–259.

Stalin, I. V. (2006) “Vystuplenie na Politbyuro TsK VKP(b) po voprosam partii-noi propagandy v svyazi s vykhodom ‘Kratkogo kursa Istorii VKP(b)’ 10 oktyabrya 1938 goda” [“The Speech at the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) on Party Propaganda in Connection with the Release of the ‘Short Course of the History of the CPSU(b)’ on October 10, 1938”], in Stalin, I. V. *Sobranie sochinenii. Tom 18 [Collected Works. Vol 18]*. Tver': Informatsionno-izdatel'skii tsentr “Soyuz”, pp. 159–160.

Strakhov, N. N. (1867) “Prestuplenie i nakazanie. Roman v shesti chastyakh s epilogom F. M. Dostoevskogo” [“Crime and Punishment. The Novel in Six Parts with an Epilogue by F. M. Dostoevsky”], *Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]*, (3), (4).

Turgenev, I. (1862) *Ottsy i deti [Fathers and Children]*. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i komp.

Turgenev, I. S. (1884) “Pis'mo Sluchevskomu K. K. 14 aprelya 1862” [“Letter to K. K. Sluchevsky on April 14, 1862”], in Turgenev, I. S. *Pervoe sobranie pisem I. S. Turgeneva. 1840–1883 gg. [The First Collection of Letters of I. S. Turgenev. 1840–1883]* St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, pp. 104–107.

Fel'dman, D. M. (2008) “Dekabristovedenie segodnya: Terminologiya, ideologiya, metodologiya” [“Decembrist Studies Today: Terminology, Ideology, Methodology”], in *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podkhody [The Decembrists. Current Problems and New Approaches]*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet [Russian State University for the Humanities], pp. 663–713.

Fel'dman, D. M. and Shcherbakov, D. A. (2020) “Magistr igry: Politika i ritorika v romane N. G. Chernyshevskogo ‘Chto delat'? Iz rasskazov o novykh lyudyakh” [“Master of the Game: Politics and Rhetoric in N. G. Chernyshevsky’s Novel ‘What to Do?’”]

From Stories about New People”], *Rossiya i sovremennyi mir [Russia and the Contemporary World]*, (3), pp. 216–240.

Filosofov, D. (1910) “P. D. Boborykin”, *Russkaya mysl' [Russian Thought]*, 12, pp. 88–99.

Shpet, G. G. (2009) *Sobranie sochinenii. Tom 6: Ocherk razvitiya russkoi filosofii: II. Materialy [Collected Works. Vol. 6: An Essay on the Development of Russian Philosophy: II. Materials]*. Reconstruction by Tat'yana Shchedrina. Moscow: ROSSPEN Publ.

Shcherbakov, D. A. (2021) *Formirovanie literaturnoi reputatsii Chernyshevskogo v XIX–XXI vekakh [The Formation of Chernyshevsky's Literary Reputation in the 19–21th Centuries]*. Moscow: Neolit Publ.

Информация об авторах:

Михаил Павлович Одесский — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6;

Давид Маркович Фельдман — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.

Information about the authors:

Mikhail P. Odesskiy — DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation;

David M. Feldman — DSc in History, Professor, Professor of the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.